

Максим АМЕЛИН

Москва

* * *

Слышу сквозь сон рокот немолчный где-то поблизости,
точно в ночи прибыл товарный поезд на станцию,
полный пустых бочек железных, и перекатывать
принялись их с места на место крепкие грузчики.

Вижу, глаза приоткрывая, всполохи яркие,
будто трубу в доме соседнем водопроводную
вдруг прорвалó, но за починку без промедления
дружно взялись в масках и робах грозные сварщики.

Хоть и с трудом, но начинаю в тёмном сознании
перебирать бочки и трубы, связь их нащупывать,
и не могу, – знать, происходит битва великая
на небесах, здесь отзываясь блеском и грохотом.

Памяти Михайла Семенка

Мертвопетлюе авиатор в хмарах.

Всё знают о тебе страна и люди:
одной дают, другой берут враспloch.
Плывёт по небу голова на блюде;
на землю чёрный сыплется горох.

Стручок шершавых виршей и трескучих
на дереве мичуринском созрел.
Мертвопетляет самолётчик в тучах;
выводят речетворца на расстрел.

* * *

Я спал в самолёте «Пекин – Москва»;
проснулся, глянул в окно,
а там, внизу, – пустая Сибирь,
и только волчьи глаза
сквозь дымку вышек огнём нефтяных,
поблёскивая, горят.

Одной извивающейся змее
другая вцепилась в бок:
вдоль каждой в разбросах полуколец
заметны следы борьбы, –
я знаю, что там впадает Иртыш
не в Иппокрену, а в Обь.

И сон как будто рукой сняло,
мне виделись наяву
железных и клацающих клыков
желтеющие ряды,
стекающий медленно липкий яд
с раздвоенных языков.

Виктор МАХРОВ

Выкса, Нижегородская область

* * *

Не за горизонтом – где-то дальше,
Не за облаками – где-то выше.
Там, где голос мой никто не слышит.
Там, где никогда я не был раньше, –
Там должно быть то, что мне незримо,
До чего нельзя мне прикоснуться.
Те, кто там блуждают, – не вернуться,
На земле не будем мы едины.
Тем далеким людям светят звезды,
Те, что не видны обычным взглядом.
Там, где не бывает слишком рано,
Там не может быть и слишком поздно.
Нас туда не пустят раньше срока.
Срока, что отмерен нам судьбою.
Мам, мы повстречаемся с тобою
Где-то у вселенского истока.
Из того великого фонтана
Бьют ключом серебряные искры.
Все, кого привык считать я близким,
Обнимать меня с улыбкой станут.
В парке под дубами вековыми,
Что расстелют кроны облаками,
Все, кто уходили стариками,
Снова меня встретят молодыми.

* * *

Странный был вечер – в сквере на лавочке
С тобой разругались мы вдрызг.
Ты подарила мне сердце на палочке,
А я его сгрыз...

Между собой говорили лишь мельком мы,
Как герои веселых реприз.
Ты угощала меня карамельками,
«Раечка» и «Барбарис».
Ты говорила, что хочешь в Италию,
Флорентийского выпить латте.
Я загляделся на бедра и талию,
И утонул в декольте.
Свет погасили внезапно и затемно,
День так внезапно уплыл.
Я вспоминал, что же на дом мне задано,
Но прочно забыл.
Нас незнакомцы снабжали шкатулками,
В которых мне слышался джаз.
Мы зашагали во тьму переулками,
За руки крепко держась.
Странная ночь – на пустом подоконнике
С тобой разругались мы вдрызг.
Ты протянула мизинчик свой тоненький
И прошептала: «Миришь»...

Рустам МАВЛИХАНОВ

Салават

Самум

Моё тело – песок,
Дух – движение вечной пустыни:
Иссушающий вдох,
Выдох – плетью на плечи рабыни.

Моя кровь холодна –
Закипает на бледной полыни,
Мои жизни – вода –
Оставляют лишь трещины в глине.

И сомненье как эхо,
Злой огонь в недрах диких ущелий.
Умирать мне не к спеху –
Даже смерть не имеет здесь цели.

Это тело бредёт,
Пожирая оазисы-раны.
Джинна долгон излёт
К истреблению метящий страны.

И багровой звездой
Царь печалей всего мирозданья –
Первозданный изгой,
Не простившее Бога создание.

Стальное

Если однажды в закате карминовом путник
в часе восьмом, или в двадцать один по старинному счёту,
встретит тебя, сам китайского имени сутью,
на чёрном ковре меж мирами живых и ушедших,
на тёплом асфальте безножного сизого неба –
последняя дверь, его улица, дом пять и восемь,
(счёт здесь неведом, счёт здесь неведом, счёт здесь неведом) –
странствуя годы и тысячу с тысячей с тысячей лет
(Может быть, звали когда-то его Агасфером?
Сколько раз кожу меняет змея, человек – свои души?),
услышит вопрос от тебя, ввитый в локоны смоли,
ознобом горящий во взгляде дрожащей Вселенной,
с рукой, обещающей чашу иных наслаждений
(перед ними все женщины меркнут, как перед Иштар – шлюхи),
с призывом к страстям, что испить не дано и за тридцать столетий,
с намёком на долг, что тебя проведёт сквозь стальные эпохи
(где даже не кровью платить и неведом лик смерти):
Обнять твои плечи, рискнув позабыть всё в себе человечье,
рискнув потерять саму память о Доме богов, песни пьющих,
глазами шахида заставив сам Космос рожать вечно звёзды,
иль всё же уйти за пределы миров всеживых и немёртвых,
в царство холодной, безумной, слепящей Свободы,
и ветром нестись по-над тёмными водами жизни,
тебе улыбаясь с молчащего Синего Неба –
что выберет он? Выберет он, выберет кто?
И кто будет молвить устами твоими и телом?

Александр ВДОВИН

Салават

Кошачьи шахматы

(Премудрому Кроту)

На лужайке у ворот
Рыжий кот и чёрный кот.

Не помнут малютку-клевер
Строго сложенные лапы.
Чёрный кот глядит на север,
Рыжий созерцает запад.
Две минуты без движенья,
Три. Одновременно встали,
Своё местоположенье
На лужайке поменяли.
Строго сложенные лапы,
Даже не кивнут друг другу.
Чёрный кот глядит на запад,
Рыжий взгляд направил к югу.

Человеку бесполезно
Изучать, снимать их, слушать...

Резко вдруг сорвутся с места –
Их зовут хозяйки кушать.

* * *

В тихом озере дремлет изгнанник.
Он печален и черен. Во сне
Вспоминает неведомый странник
Лишь о ней. Лишь о ней. Лишь о ней.

Рыбы мимо него проплывают,
Плавниками касаясь корней.
Рыбам ведомо все, но не знают
Лишь о ней. Лишь о ней. Лишь о ней.

И пускай он навеки растает,
Неизбежно поглощенный дном.
Он мечтает, что где-то мечтают
Лишь о нем. Лишь о нем. Лишь о нем.

Петр РОДИН
Воскресенское

Тишина

Андрею Иудину

Зеленух с груздочками,
Будто на подбор,
За болотной кочкою
Презентует бор.
Осень распогодилась,
В лес маня.
Красотища в кузове
У меня.
Рекс – дружок преданный,
Лучший в мире пёс,
От поганок-врединок
Свой воротит нос.
На грибы охотиться
Он привык.
Сделал стойку – вытروпил
Боровик.
А лисички-лапочки
Так и льнут к рукам.
Листья, словно лампочки,
Гаснут тут и там.

Листопадный, медленный
Вальс-полёт.
Дуновенье вечностью
Из болот.
Помолчать положено
В чреве тишины.
И грибы, похоже, нам
Больше не нужны.
Думы паутинками:
Мир каков!..
Из болота вывести
Рекс готов.

Осенний лес

Осенний лес, в преддверии разлуки
Прими меня в скудеющий массив.
Эпитет в строчку просится «красив»,
Но мрачен ты во вдохновенной скуке.

А облака кропят макушки сосен
Тяжёлым непролившимся дождём,
И кажется, что жизнь *была*, но вёсен
Хоть сколько-то осталось. Подождём.

Весенний бред, как и печаль о лете,
Хоть закричись в туман: «Не уходи!»,
Полощут листопадные дожди
Необратимо, как и всё на свете.

И никакой я тайны не открою,
Печаль и боль наивны и смешны
Перед великим таинством покоя
И перед вечной правдой тишины.